

Аналитическая статья

УДК 141.319.8(091)(470)"18/19"

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-153-120-132

ЭСХАТОЛОГИЯ В. В. РОЗАНОВА И МЕТАФИЗИКА ПОЛА

Екатерина Игоревна Сухорукова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

sukhorukovaei@mgpu.ru; <https://orcid.org/0009-0005-8872-9019>

Аннотация. Целью работы является рассмотрение философии пола, как она представлена у В. В. Розанова. Главным образом это будет достигнуто посредством обращения к антропологическому феномену, названному Розановым «людьми лунного света» или «средним полом», «третьим полом». Автор исходит из гипотезы, согласно которой в основе философствования Розанова находится антропологическая проблематика, именно антропологические взгляды определяют его онтологию и теологию. Главным философским методом исследования в данной статье, сконцентрированной вокруг трудов Розанова, является герменевтика. Кроме того, в статье задействованы такие общенаучные методы исследования, как анализ, синтез и аналогия. Так, например, проводится сопоставительный анализ с другими историософскими построениями русской философии рубежа XIX–XX веков, в рамках которых эсхатологическая тема неотделима от метафизики пола и любви. В результате автор приходит к выводу, что в основе конфликта В. В. Розанова с христианством (сначала историческим, а потом как таковым) лежит его тенденция к отрицанию догмата о грехопадении, который в христианской антропологии является существенным наравне с идеей о богоподобии человека.

Ключевые слова: русская философия, философия Серебряного века, религиозная философия, христианство, философская антропология, историософия, метафизика пола, философия любви, эсхатология

Для цитирования: Сухорукова Е. И. Эсхатология В. В. Розанова и метафизики пола // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 1 (53). С. 120–132. DOI: 10.24412/2078-9238-2025-153-120-132

Analytical article

UDC 141.319.8(091)(470)"18/19"

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-153-120-132

**ESCHATOLOGY OF V. V. ROZANOV
AND THE METAPHYSICS OF GENDER****Ekaterina I. Sukhorukova**

Moscow City University,

Moscow, Russia,

sukhorukovaei@mgpu.ru; <https://orcid.org/0009-0005-8872-9019>

Abstract. The purpose of this work is to consider the philosophy of gender, as it is presented by V. V. Rozanov. This will mainly be achieved by referring to the anthropological phenomenon called by Rozanov “moonlight people” or “the middle sex”, “the third sex”. The author proceeds from the hypothesis that Rozanov’s philosophizing is based on anthropological issues, it is anthropological views that determine his ontology and theology. The main philosophical method of research in this article, centered around Rozanov’s works, is hermeneutics. In addition, the article uses such general scientific research methods as analysis, synthesis and analogy. For example, a comparative analysis is carried out with other historiosophical constructions of Russian philosophy at the turn of the XIX–XX centuries, in which the eschatological theme is inseparable from the metaphysics of sex and love. As a result, the author comes to the conclusion that the conflict is based on V. V. Rozanov’s connection with Christianity (first historical, and then as such) lies in its tendency to deny the dogma of the fall, which in Christian anthropology is essential on a par with the idea of the godlike man.

Keywords: Russian philosophy, philosophy of the Silver Age, religious philosophy, Christianity, philosophical anthropology, historiosophy, metaphysics of gender, philosophy of love, eschatology

For citation: Sukhorukova, E. I. (2025). Eschatology of V. V. Rozanov and the metaphysics of gender. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (53), 120–132. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-153-120-132>

Введение

Большинство произведений зрелого В. В. Розанова посвящено проблеме пола, а именно проблеме якобы отрицания христианством, по мнению Розанова, брака и семьи, которые будто бы допускаются подвижниками веры Христовой только в качестве снисхождения к человеческой слабости. В контексте данной темы (наиболее полно ознакомиться с этой идеей можно в статье «Юдаизм» [Розанов, 2009]) неоднократно воспроизводится оригинальная по тем временам мысль Розанова о существенной близости иудаизма не с христианством, но с древними религиями Ближнего Востока. Основывается данное родство на почитании семитскими народами

двуполого (следовательно, плодородного и живородящего) божества Элохим в противоположность тому, как христианство принципиально изымает из метафизического Бога сферу пола. Подобной теологии соответствует определенная этика и антропология — глубокое почитание семейно-брачных уз, характерное для древнего Средиземноморья. В христианстве они уступают место «бессеменному» идеалу любви дружеской, или общечеловеческой. Таким образом, ключевое убеждение Розанова, предопределившее его конфликт с христианством, таково: «именно Эрос, а не Логос является глубинным истоком человеческого религиозного чувства, исходя из чего в попытках лишить Эрос жизни человек отрывает себя от Бога» [Иванова, 2021, с. 59].

О сущности «людей лунного света»

Подробнее антропологическая сторона вопроса освещается Розановым в трактате «Люди лунного света. Метафизика христианства», который был опубликован в 1911 году. Исторический успех христианства объяснен здесь через лидерство в европейской цивилизации людей особого типа, которые названы Розановым «людьми лунного света». Их определяющим свойством является «органическое, неодолимое, врожденное, свое собственное и не внушенное, отвращение к *совокуплению*» [Розанов, 1911, с. 27], из чего, по мнению Розанова, выводится отвращение к деторождению, семейственности и в конечном итоге ненависть к самой жизни. Выбор слова «лунный» в качестве эпитета Розанов объясняет, противопоставляя два главных небесных светила, взятых в качестве то ли реальных божеств, то ли поэтических символов. Солнце отождествлено Розановым с материалистической действительностью, с реально свершившимся супружеством, тогда как луна — удел всего лишь платонически влюбленных, это нечто «совершенно *противоположное действительному*, и — очень *спиритуалистическое*» [Розанов, 1911, с. 10].

В первой из вышеприведенных цитат само количество эпитетов должно привести читателя к мысли о существенной степени укорененности отвращения к половой жизни в «людях лунного света». Во-первых, его невозможно приобрести, но только родится с ним; во-вторых, у его носителей оно является едва ли не образующим стержнем их личности. Ему подчинены все прочие аспекты мироощущения, настроения, вкусы, само мышление и разум. Истоки этого крика «не хочу!» следует искать там же, где и корень любой сексуальности вообще — ни много ни мало в процессах зарождения мира.

Космогония описывается здесь Розановым в духе гегелевской диалектики с тем различием, что у Розанова основная динамика процесса мироздания осталась навсегда в прошлом. «Домирозданный котел» представлял из себя «течения и противоречия», которые сталкивались друг с другом в винтообразных круговоротах, пока, наконец, не застыли, оформившись в привычный нам мир определенных вещей и явлений. Но если неживая природа

(или даже мир растений и животных) вобрала в себя исключительно «течения», то личность основана не только на «течении», но и на «противоречии». Иначе говоря, человек начинается там, где начинается возможность свободного волеизъявления, идущего наперекор всеобщим законам природы. Первое «нарушение закона» — в самой способности самосознания индивидуума, отделении Я от не-Я. В свою очередь, только данное противопоставление (или противоречие, Розанов не делает здесь различий), соединяясь с имманентно присущим течением, создает возможность для половой любви. С одной стороны, формально она схожа с соединением молекул водорода и кислорода в неживой природе; с другой стороны, подразумевает наличие двух сложносочиненных и противоположных друг другу Я. В отличие от молекул, далеко не каждые двое случайно взятых разнополых людей могут захотеть составить пару. Более того, неоднородность человечества вообще, неравномерное распределение в каждом отдельно взятом человеке «течений» и «противоречий» подразумевает возможность возникновения людей, всецело подверженных только «противоречию» (тогда как любая молекула всецело подвержена только «течению»). У людей такого типа — они и названы Розановым «людьми лунного света» — отделение себя от других достигает высшей степени, а импульс «не хочу какого попало другого лица» абсолютизируется до «не хочу другого лица вообще».

Поскольку собственное половое начало в таком человеке значительно ослабевает, то он испытывает потребность в подпитке не от противоположного пола (что исходило бы от полноты энергии), а от своего же. Поэтому, по мнению Розанова, «лунная» аномалия является крайним проявлением гомосексуализма — порою оба понятия используются в трактате в качестве взаимодополняющих. Отсюда второе название «людей лунного света» — люди «третьего» или «среднего» пола.

У каждого человека, как считает Розанов, есть то, что мы могли бы назвать корнями или вектором развития. У обычных людей вектор направлен вертикально, т. е. от одного поколения к другому. Обычный человек испытывает привязанность как к своим родителям, так и к детям. Это обоюдно направленное чувство не только проходит через личность любого взятого индивидуума, оно лежит в основе мироздания вообще, поскольку логически и онтологически первым Родителем является сам Бог-Творец. Напротив, у «людей лунного света» ориентация жизненных сил горизонтальная: не имея глубокой тяги к отчужденному дому, а к деторождению и вовсе питая отвращение, такие люди привязываются ко всему человечеству без разбора возраста и пола. Каждый встречный становится братом или сестрой. Выражаясь образно, корни «людей лунного света» не тянутся узконаправленно вниз, а масштабно разрастаются вширь. Пренебрегая любовью, основанной на общей крови или плотском влечении, «люди лунного света» всецело отдаются чисто духовной братско-сестринской любви.

Определение семьи и брака

Остановимся на том, как именно Розанов видит сущность образующего элемента семьи, т. е. супружества. Совершенно определенно этот взгляд выражен, пожалуй, только в более ранней его статье «Семья как религия» [Розанов, 1995] при описании отношений Николая Ростова и Марьи Болконской (стоит в целом отметить тягу Розанова к примерам из художественной литературы). Непременным условием брака должна быть любовь, определяя которую, Розанов решительно отвергает понимание, сосредоточивающееся исключительно на родстве душ. По мнению философа, в основе любви должна лежать именно половая любовь в прямом значении данного слова, но только той силы, которая способствует возникновению длительной связи, созданию дома и рождению детей. В других работах (уже упомянутая статья «Юдаизм» и цикл статей о семейном вопросе в России [Розанов, 1903]) Розанов выражает свое убеждение, что на подобное переживание (названное им таинством) человек, начиная с подросткового возраста, способен не один раз, что совершенно естественно: таким образом обосновывается тезис о допустимости разводов.

Горизонт эсхатологии

Хотя отношение к «людям лунного света» в целом можно было бы охарактеризовать как то ли сострадательное, то ли брезгливое, само по себе их существование не воспринимается Розановым, для которого семья и деторождение представляли высшую ценность, как однозначно негативный факт. Розанов неоднократно делает упор на отсутствие в природе нормы как таковой, особенно во всем, что относится к столь интимной стороне жизни: на естественность как индивидуальной пропорции смешения мужского и женского, так и степени смешения «течений и противоречий» в каждом отдельно взятом человеке. Показателен пример, взятый Розановым из романа Л. Н. Толстого «Воскресение»: второстепенный персонаж, политическая ссыльная девушка Марья Павловна, которая видится Катюше Масловой идеалом самоотверженности и человеколюбия. Марья Павловна отказалась не только от супружества, но и от семьи как таковой: еще в юном возрасте она покинула свой довольно комфортный родительский дом, чтобы уйти служить народу. Молодая и красивая дочь богатого генерала, она не страдала от жизни практически в нищете, наоборот, находила даже удовольствие в том, чтобы не заботиться о своем крове, одежде и пище. Розанов видит органическую взаимосвязь между стремлением к холостой жизни и тягой к аскетизму. Данный взгляд несколько необычен для современного массового сознания, привыкшего, наоборот, одиночество отождествлять с комфортом, а семейный быт видеть не иначе как проходящий в условиях постоянного самоограничения монотонный труд. Но с позиции самого Розанова все довольно логично: если на одном полюсе находится полнота бытия,

т. е. жизнь, радость, семья и любовь, то на другом точно так же тесно связаны между собою смерть, нищета и одиночество. Однако вернемся к поставленному вопросу: с какой целью природа производит на свет «людей лунного света», если все в ней должно служить приумножению жизни? Ответ лежит на поверхности: «люди лунного света» призваны служить человечеству, особенно наиболее несчастной ее части, тем отверженным, что по тем или иным причинам остались на обочине нормального существования, т. е. вне семьи и общества.

Как и все в природе, «люди лунного света» возникают ровно в том количестве, в каком они необходимы для выполнения своего предназначения. Ненормальной является та ситуация, в которой они «выходят за рамки своих полномочий» и приписывают свое сугубо индивидуальное мироощущение всему человечеству. Розанов яростно спорит с Вл. С. Соловьевым (отметим существование между двумя этими мыслителями конфронтации, выходящей за пределы данного спора [Козырев, 2004]), связывающим половую жизнь с неизбежным чувством стыда: «Каково чудовищное давление содомии! давление на совершенно уже нормальный брак, на совершенно нормальных супругов! <...> О, духовно-содомская цивилизация: и она смеет свой пафос возводить в закон!..» [Розанов, 1911, с. 120]. Личное, морально индифферентное предпочтение «мне это не нравится» неправомерно гиперболизируется не просто до «это не нравится никому», но до «это плохо само по себе», т. е. возводится до уровня заповеди. Христианство, как его видит Розанов, по своему существу есть не что иное, как мироощущение «человека лунного света» (т. е. Христа [Иванова, 2021, с. 120]), раздутое до статуса целой религиозной системы. В то время как древние религии Востока (повторимся, для Розанова не существует принципиального различия между иудаизмом и религиями Месопотамии или Египта) ориентируют человека на брачную жизнь в той или иной ее форме, в центре христианской этики Розанов видит разрушительный для человеческой природы аскетизм и призрачную любовь к дальнему вместо естественной и полезной внутрисемейной любви.

Соответственно, с возникновением христианства меняется идеал человеческого общежития: на смену семье приходит монашеская община. В отличие от семьи, отношения внутри монашеской общины универсальны и бесплодны. Естественное кровно-плотское чувство способствует к различению людей между собой, которое не ограничивается дефиницией «свой – чужой», это также деление на такие категории, как «родитель», «супруг», «ребенок». При таком раскладе, как считает Розанов, в человеческих взаимодействиях на первый план выступает конкретное и индивидуальное. Привязанность и любовь, направленные на меньшее количество людей, тем самым выигрывают в качестве, становятся интенсивнее и крепче. Напротив, искусственно выведенное нравственное чувство, основанное не на природном влечении, а на универсальном моральном законе, ведет к универсальному же отношению ко всем людям вообще, не делая различий в возрасте, поле и национальности или расе. Розанов отнюдь не считает осуществление данного идеала утопией, скорее даже

он предчувствует его воплощение в ближайшем будущем, но именно это и отвергает Розанов в ужас. По его мнению, христианская любовь обращена к выхолощенной идее человека, в то время как живой человек в лучшем случае выпадает из поля зрения, в худшем — становится объектом презрения.

Возникает закономерный вопрос: если «люди лунного света» появлялись везде и всегда в неизменном (крайне ничтожном) количестве, то как получилось, что однажды это меньшинство возглавило целую цивилизацию? И в чем, собственно, опасность их господства, если «человеком лунного света» в полном смысле слова нельзя стать ни под внешним воздействием, ни путем самоубеждения? Если христианская часть человечества спокойно продолжает вступать в брак и обзаводиться детьми? На первый вопрос мы можем ответить лишь своим предположением, что дело в темпераменте тех народов, среди которых утвердилось христианство: в основном это народы Европы, более флегматичные по сравнению с жителями Ближнего Востока и Азии. Будучи некогда славянофилом [Тесля, 2019], Розанов отчасти сохранил убеждение в существовании надличностного национального характера, который способен определить религиозный выбор того или иного народа (особенно это проявляется в работах, посвященных еврейской теме). Вред же господства «людей лунного света» в следующем. Они подстраивают под свой психотип социальные институты (в первую очередь, конечно, институт брака), что создает для среднестатистического человека вредную для него обстановку, толкающую его уже к реальным порокам. Частым объектом критики Розанова, и не только в трактате о «людях лунного света», является запрет ранних браков, что приводит к сублимации половой энергии по ложному руслу, например проституции. Запрет разводов приводит к лицемерию, к существованию браков без любви и к частоте супружеских измен, тогда как при допустимости разводов могли бы рождаться новые семьи.

Обобщим сказанное. Историю человечества В. В. Розанов рассматривает через обращение к человеческой сексуальности. Одно из главнейших исторических событий — победа христианства над язычеством — тесно связывается Розановым с лидерством в европейской культуре людей определенного (не просто низкого, а со знаком минус) сексуального темперамента. Название этим людям — «люди лунного света». Розанов исходит из той позиции, что в данной сфере жизни нет и не может быть единой общепринятой нормы. Потому и «люди лунного света» имеют не только право на существование в этом своем качестве, но и свою миссию: их нерастроченная на свою семью энергия уходит на заботу об обездоленной части человечества. Однако, когда «люди лунного света» выходят за пределы своих узко очерченных полномочий и становятся творцами культуры, то их отрицание жизни пола для себя лично оборачивается отрицанием жизни вообще. На смену семье приходит монашеская община, и человечество вырождается в самом буквальном смысле этого слова: именно к такой цели, как считает Розанов, логически приведет всеобщее торжество христианства (религии «людей лунного света») по всему земному шару.

В. В. Розанов в контексте эпохи

Последние десятилетия существования Российской империи ознаменовались всплеском интереса философствующей интеллигенции к эсхатологической теме [Шнирельман, 2019]. В данном смысле интересно сравнить разбираемый нами здесь трактат Розанова со следующими работами двух других мыслителей, которые тему конца света также осмысливают в контексте того или иного представления о половой любви: это корпус сочинений «Философия общего дела» Н. Ф. Федорова [Федоров, 1906, 1913] и цикл статей «Смысл любви» Вл. С. Соловьева [Соловьев, 2018, с. 62–138].

Основоположник русского космизма Н. Ф. Федоров известен своим впечатляющим призывом к человечеству объединиться во имя воскрешения всех прежде живущих поколений — на достижение такой конкретной цели, а не на пассивное созерцание должна бросить все свои силы наука. Побудить людей к свершению «общего дела» должен нравственный переворот, подготовляемый в первую очередь христианством, где жажда победы над смертью выражена в своем абсолютном значении. Однако задатки к «общему делу» заложены уже в самой человеческой природе. Противопоставляя животного и человека, Н. Ф. Федоров выделяет в человеке главным образом его способность ориентироваться не только на настоящее. Культура любого народа и любой эпохи есть не что иное, как попытка воскресить прошлое. Наиболее ярко это проявляется в религии, важным компонентом которой что в христианстве, что в язычестве, по мнению Федорова, является почитание предков. Любовь к детям присуща в равной степени как людям, так и животным, она основана на инстинкте и не может считаться особой добродетелью. Однако любовь к родителям и заботу о них способен испытывать и проявлять только человек, поскольку их основа — исключительно в духовной сфере, это то, что превосходит природу. Соответственно, для всеобщего воскресения необходима революция в сознании каждого из ныне живущих, заключающаяся в развороте от биологической любви к любви духовной. А конкретно — в переориентации на сто восемьдесят градусов с естественного желания построить свою семью (тяга к дурной бесконечности, нисходящей вниз) на исключительно нравственное стремление к предкам, цепочку которых возглавляет сам Бог-Творец.

Если в построении Н. Ф. Федорова главную дихотомию составляют любовь к родителям и любовь к детям, то Вл. С. Соловьев в своем цикле статей «Смысл любви» разводит по разную сторону баррикад деторождение и половую любовь. Деторождение, домостроительство, брак, семья — все то, что так волнует Розанова и смысла чего он не видит без любви, для Соловьева оказывается не предметом благоговения, а набором вполне бытовых, сугубо практических задач. Тысячелетиями человечество успешно решало их без помощи любви; более того, чаще всего она служила препятствием к их осуществлению, с чисто внешней стороны оборачивалась трагедией для всех действующих лиц. Соловьев принципиально разъединяет земное и небесное, относя любовь,

безусловно, к небесному, видя смысл ее единственно в слиянии мужчины и женщины, достигаемое путем преодоления эгоизма — не столько даже психологического, сколько онтологического, проклятием легшего на человека вследствие его отпадения от Бога. До настоящего момента история знала только попытки реализации данного идеала, но его полное осуществление возможно лишь в будущем, вместе с преобразованием всего творения, после гибели старого мира.

Все три мыслителя — Розанов, Федоров, Соловьев, — подобно героям платоновского диалога «Пир», видят заложенный в любви вселенских масштабов потенциал, для них это именно та сила, с которой связано как создание, так и разрушение мира. Однако Федорова и Соловьева объединяет убеждение в том, что в настоящий момент (т. е. на протяжении всей земной истории человечества) эта энергия либо была направлена в неверное русло, либо не достигала поставленной цели. Начиная с грехопадения, человек жил, как животное, слепо подчиняясь инстинктам и погрязнув в житейских заботах, приковывающих его к тварной природе и мешающих обращению к Творцу. В соответствии с данным представлением религия требует отречения и жертвы. Тогда как Розанов не видит ничего морально предосудительного в том, чтобы всецело посвятить себя обустройству «гнезда» и приумножению земного благополучия; наоборот, именно следование зову природы, по его мнению, способствует пребыванию в гармонии с самим собой и с Богом.

Диаметрально противоположное отношение к браку и деторождению основывается, как указывает сам Розанов, на страницах своего трактата споря со взглядами Соловьева, на другом отношении к природе (или космосу в древнегреческом понимании данного термина) вообще. Поскольку по ключевым своим положениям Федоров и Соловьев являются христианскими мыслителями, то в своем мироощущении они исходят из догмата о грехопадении, иначе говоря, мысли о том, что весь мир, включая в первую очередь человека, погряз во зле¹. Поэтому естественное далеко не всегда тождественно морально приемлемому, а чаще даже наоборот. Федоров определяет природу как бездушную имморальную машину², над которой человек — образ и подобие Божие — должен взять верх. Соловьев воспринимает окружающую действительность либо как отблеск иного мира [Соловьев, 2018, с. 326–327], либо как Хаос, которому только еще предстоит быть преображенным Божественным Логосом [Соловьев, 2018, с. 7–61]: в обоих вариантах человеку, если он хочет спастись, природу предстоит преодолеть, а не слиться с ней. В то время как убеждение Розанова заключается в следующем: «Космос есть великая утроба, в которой и из которой родилась “нравственная личность”» [Розанов, 1911, с. 134].

¹ Иванов М. С. Грех первородный // Православная энциклопедия: сайт. URL: <https://www.pravenc.ru/text/166457.html> (дата обращения: 25.01.2025).

² Федоров Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства. URL: <http://www.vzms.org/delo.html> (дата обращения: 25.01.2025).

Отсюда святость всего, что естественно. Обращение Розанова к «людям лунного света»: «Добавляйте: “стыдно человеку дышать, стыдно, что у него есть кровообращение”» [Розанов, 1911, с. 133].

Исследователь русской философии В. В. Зеньковский [Зеньковский, 2021] с некоторыми оговорками делит все творчество Розанова на три этапа, выбрав в качестве критерия его отношение к христианству: этап абсолютной преданности православию; этап сомнений в успешности исторического христианства (которому противопоставляется христианство истинное); наконец, этап сомнений в самом христианском замысле. Деление, как указывает сам Зеньковский, весьма условное, графически философский путь Розанова можно было бы изобразить не в виде прямого вектора, но в качестве то ниспадающей, то возрастающей волны. Так, например, не столь далеко отстоят друг от друга по времени написания вполне православные по своему содержанию «Опавшие листья» (1913–1915) [Розанов, 2010] и вызывающе антихристианский «Апокалипсис нашего времени» (1917–1918) [Розанов, 2000].

Краеугольным камнем, провоцировавшим духовные колебания Розанова на протяжении всей его творческой деятельности, можно назвать именно догмат о грехопадении. В данном смысле космоцентризм Розанова оказывается тесно связан с его антропофилией. Недостаточно сказать, что в центре внимания Розанова всегда находилась именно антропологическая проблематика, что гносеология, теология и прочие сферы познания всегда осмыслялись им в первую очередь через вопрошание о человеческом бытии. Розанова как философа определяет не только интерес к человеку, но и огромная к нему любовь, не позволяющая увидеть в его природе ничего существенно дурного. Если, например, этюд раннего Розанова «Легенда о Великом Инквизиторе» [Розанов, 1894] просто полон исторического оптимизма вследствие веры в преобладание в человеке благого начала (тем не менее тема зараженности человека грехом в нем все-таки звучит), то в более поздних работах место призыва к борьбе с человеческой натурой всецело занимает призыв к борьбе с дурным к ней отношением.

Отсюда столь разное отношение и к такой важной сфере человеческой жизни, как брак и рождение детей, чему должна сопутствовать неоскудевающая забота о земном благополучии. Это, как считает Розанов, наиболее естественно и потому наиболее священо. Любые попытки преобразовать или вовсе преодолеть естественный образ жизни (чем, по мнению Розанова, занимается христианство, якобы стремящееся не возвести семью и брак на качественно новый уровень, а упразднить их) является не попыткой сотрудничества человека и Бога в преодолении последствий грехопадения, но злонамеренным разрушением предустановленного Богом порядка, раздуванием полезного меньшинства «людей лунного света» до размера раковой опухоли, угрожающей всему человечеству.

Заключение

Динамизм христианской историософии строится вокруг факта грехопадения, которое необходимо преодолеть, поборов свою дурную натуру путем обращения к трансцендентному Богу. Без данного препятствия, наличие которого Розанов склонен отрицать, пропадает смысл как развития форм человеческого общежития, так и совершенствования самой человеческой природы. Если есть только созданный Богом и ничем не искаженный миропорядок, то своим произволом человек способен лишь разрушить священную гармонию. Явленная таким образом антропология, а затем и онтология позднего Розанова сближает его с представителями языческой древности: неудивительно, что сам Розанов совершенно откровенно тяготеет именно к дохристианскому Средиземноморью.

Основная часть трактата о «людях лунного света» (не считая приложения, адресованного юристам и медикам) вполне ожидаемо завершается выражением идеи о христианстве как о религии, вмещающей в естественный ритм общественной жизни и приближающей конец света, за которым не последует ни преобразования старого мира, ни созидания нового: возможно только спасение той части человечества, которая окажется не заражена «лунной» проказой. Связано это со склонностью Розанова рассматривать христианство (иногда только его западноевропейскую ветвь, как в «Опавших листьях», а иногда всю данную религию как таковую — в «Людях лунного света») исключительно через его отношение к брачно-семейной проблематике и трактовать это отношение как абсолютно отрицательное. Понятое таким образом христианство, по мнению Розанова, не несет в себе созидательного начала, только бунт и разрушение во имя пустоты. Идею эту нельзя считать случайной, поскольку она прозвучит у Розанова снова и до своего логического завершения будет доведена в его последнем труде — «Апокалипсисе нашего времени». Как отмечает Д. К. Богатырев: «ключевой посыл философии зрелого Розанова — “христианство сгноило грудь человеческую”» [Богатырев, 2020, с. 14].

Список источников

1. Розанов В. В. Юдаизм // Собрание сочинений. Т. 27. Юдаизм. Статьи и очерки 1898–1901 гг. / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 5–107.
2. Иванова Т. А. Проблема андрогинного идеала человека в философии пола В. В. Розанова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 1 С. 55–62. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-1-55-62>
3. Розанов В. В. Люди лунного света. Метафизика христианства. СПб.: Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1911. 199 с.
4. Розанов В. В. Семья как религия // Собрание сочинений. Т. 6. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 67–81.

5. Розанов В. В. Семейный вопрос в России: Дети и родители. Мужья и жены. Развод и понятие незаконнорожденности. Холостой быт и проституция. Женский труд. Закон и религия. Т. 1. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1903. 312 с.
6. Козырев А. К. В. В. Розанов и Вл. Соловьев: диалог в поисках другого // Соловьевские исследования. 2004. № 2 (9). С. 21–49. <https://cyberleninka.ru/article/n/v-v-rozanov-i-vl-soloviev-dialog-v-poiskah-drugogo>
7. Иванова Т. А. Два типа концептуализации андрогина в русской философии серебряного века // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2021. № 5 С. 113–126. <https://cyberleninka.ru/article/n/dva-tipa-kontseptualizatsii-androgina-v-russkoy-filosofii-serebryanogo-veka>
8. Тесля А. А. «Славянофильство», «славянофильство» и В. В. Розанов: заметки к теме // Тетради по консерватизму. 2019. № 4. С. 113–123. <http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-4-113-123>
9. Шнирельман В. А. Антихрист, катехон и Русская революция // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37. № 1-2. С. 488–515. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-488-515>
10. Федоров Н. Ф. Философия общего дела: статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова / под ред. В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Т. 1. Верный: Тип. Семиречен. обл. правл., 1906. 731 с.; Т. 2. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913. 483 с.
11. Соловьев Вл. С. Смысл любви: избранные сочинения. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018. 352 с.
12. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект; Паритет, 2001. 880 с.
13. Розанов В. В. Опавшие листья // Собрание сочинений. Т. 30. Листва / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 73–364.
14. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени // Собрание сочинений. Т. 12 / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. 429 с.
15. Розанов В. В. Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского: опыт критического комментария В. Розанова. СПб.: Типо-литогр. и нотопеч. С. М. Николаева, 1894. 234 с.
16. Богатырев Д. К. Философия истории до и после Гегеля: российский опыт. Ч. 2. Антихристианство и христианский реализм // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. № 4-2. С. 11–33. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.2.21.002>

References

1. Rozanov, V. V. (2009). Judaism. In Rozanov, V. V. *Collected works* (vol. 27, pp. 5–107). Respublika. (In Russian).
2. Ivanova, T. A. (2021). The problem of the androgynous ideal of man in the philosophy of sex by V. V. Rozanova. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology, 1*, 55–62. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-1-55-62>
3. Rozanov, V. V. (1911). *Moonlight people. The Metaphysics of Christianity*. Printing house of F. Weisberg and P. Gershunin. (In Russian).
4. Rozanov, V. V. (1995). Family as a religion. In Rozanov, V. V. *Collected works* (vol. 6, pp. 67–81). Respublika. (In Russian).

5. Rozanov, V. V. (1903). Family issue in Russia: *Children and parents. Husbands and wives. Divorce and the concept of illegitimacy. Single life and prostitution. Womens work. Law and Religion*. Printing house of M. Merkushev. (In Russian).
6. Kozyrev, A. K. (2004). V. V. Rozanov and V. Solovyov: a dialogue in search of another. *Solovyov studies*, 2 (9), 21–49. (In Russian). <https://cyberleninka.ru/article/n/v-v-rozanov-i-vl-soloviev-dialog-v-poiskah-drugogo>
7. Ivanova, T. A. (2021). Two types of conceptualization of the androgyne in Russian Philosophy of the Silver Age. *Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy*, 5, 113–126. (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/dva-tipa-kontseptualizatsii-androgina-v-russkoy-filosofii-serebryanogo-veka>
8. Teslya, A. A. (2019). Slavophiles, “Slavophilism” and V. V. Rozanov. Notes on the subject. *Notebooks on Conservatism*, 4, 113–123. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2019-0-4-113-123>
9. Shnirelman, V. A. (2019). Antichrist, catechon and the Russian revolution. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 37 (1–2), 488–515. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-488-515>
10. Kozhevnikov, V. A., Peterson, N. P. (Eds.). (1906, 1913). *The philosophy of the common cause: articles, thoughts and letters of Nikolai Fedorovich Fedorov* (vol. 1, 2). Printing House of the Semirechye Regional Government. (In Russian).
11. Solovyov, V. S. (2018). *The meaning of love: selected writings*. Azbuka; Azbuka-Attikus. (In Russian).
12. Zenkovskij, V. V. (2001). *The history of Russian Philosophy*. Akademicheskij Proekt; Raritet. (In Russian).
13. Rozanov, V. V. (2010). Fallen leaves. In Rozanov, V. V. *Collected works* (vol. 30, pp. 73–364). Respublika; Rostok. (In Russian).
14. Rozanov, V. V. (2000). The Apocalypse of our time. In Rozanov, V. V. *Collected works* (vol. 12). Respublika. (In Russian).
15. Rozanov, V. V. (1894). *The Legend of the Grand Inquisitor by F. M. Dostoevsky: An experiment in critical commentary by V. Rozanov*. Typo-lithography and music printing by S. M. Nikolaev. (In Russian).
16. Bogatyrev, D. K. (2020). Philosophy of history before and after Hegel: Russian experience. Part 2. Anti-Christianity and Christian realism. *Review of Russian Christian Academy for the Humanities*, 21 (4-2), 11–33. (In Russian). <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.2.21.002>

Информация об авторе / Information about the author:

Екатерина Игоревна Сухорукова — аспирант департамента философии и социальных наук Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Ekaterina I. Sukhorukova — Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanities of the Moscow City University, Moscow, Russia.

sukhorukovaei@mgpu.ru; <https://orcid.org/0009-0005-8872-9019>